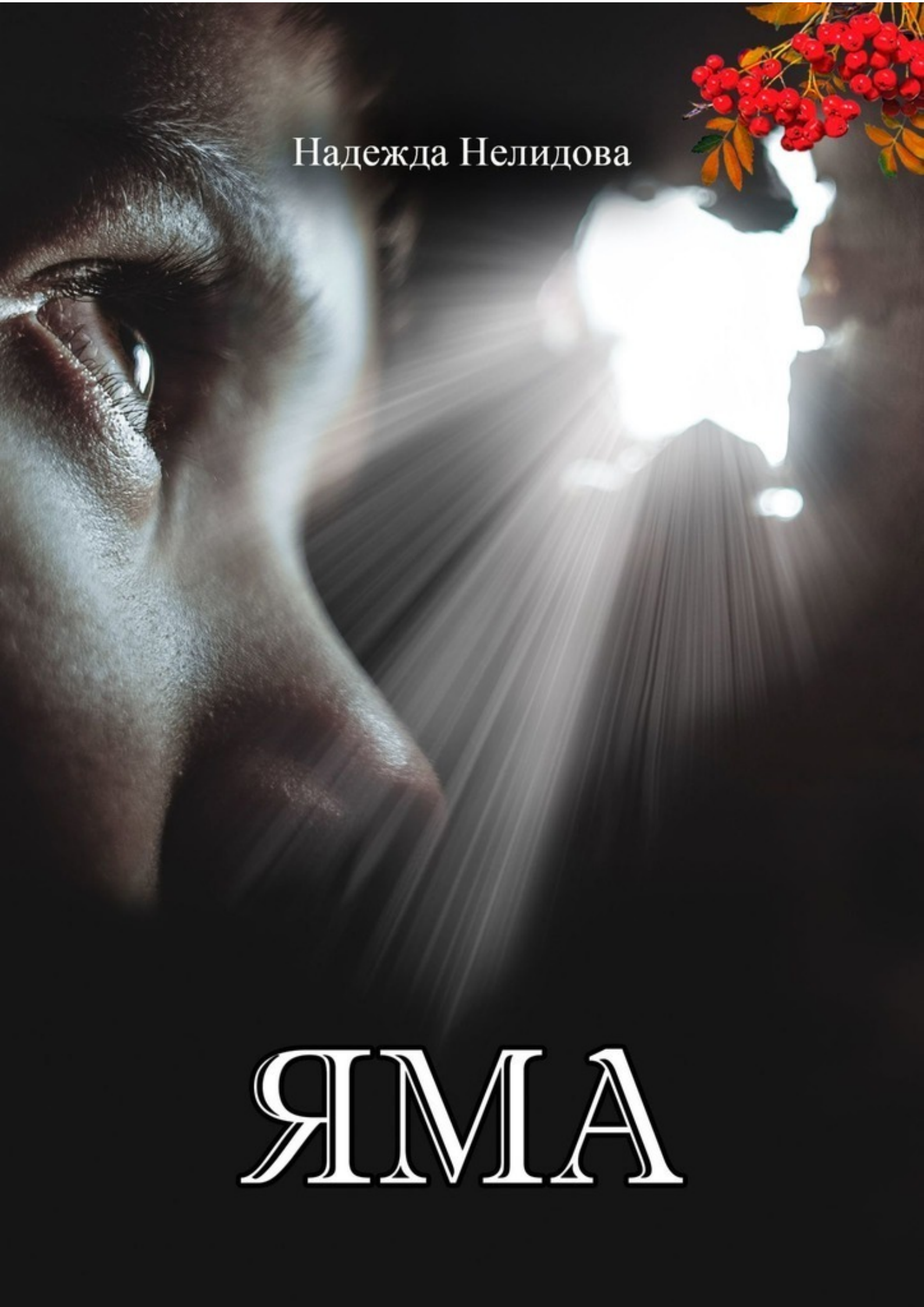

Надежда Нелидова

ЯМА

Надежда Нелидова

Яма

«Издательские решения»

Нелидова Н. Г.

Яма / Н. Г. Нелидова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966601-7

Шок. Первое, что испытываешь от прочтения книги Надежды Нелидовой «Яма». На наших глазах разворачиваются две трагические истории. Два человека предпочли невыносимой боли и одиночеству добровольный уход из жизни.

ISBN 978-5-44-966601-7

© Нелидова Н. Г.
© Издательские решения

Содержание

ЯМА	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Яма

Надежда Георгиевна Нелидова

© Надежда Георгиевна Нелидова, 2019

ISBN 978-5-4496-6601-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЯМА

«Ты попала в большую беду, девочка. Ты попала в большую беду».

В голове вертится фраза – откуда, из какой книги? Не имеет значения. Сейчас ничего не имеет значения. Как будто на суматошном бегу со всего размаха наткнулась на глухую стену.

Не то что бы я совсем не допускала с собой этого несчастья – здравомыслящий же человек. Но возможность казалась такой ничтожной. Велика ли вероятность, например, что на голову упадёт метеорит? Вот с такой вероятностью могла угрожать и мне болезнь с коротеньким смертоносным названием.

Как узнала об этом?

Была операция. У нас самая сложная послеоперационная палата – и самая шумная и весёлая. Хохочем по пустякам так, что заглядывают сёстры. Валяемся на койках, помираем, загибаемся от смеха и держимся за животы: вдруг разойдутся швы?

Всю палату зовут на физиопроцедуры – а меня каждый раз забывают. Почему? Оперировавшая хирург объяснила: ждём результатов гистологического исследования. Есть определённые сомнения, давайте подстрахуемся.

Вот я уже дома, хожу на послеоперационные осмотры – а результата всё нет. И наступил решающий день. Я ехала в больницу в автобусе, тащившемся как черепаха. Хотелось выскочить и от души попинать его под попу. Потом я быстро шла, почти бежала. Потом, не выдержав, неслась со всех ног.

Я приготовила фразу, которую скажу врачу, когда выяснится, что всё хорошо. Я скажу: «Ой, а я уже за стул схватилась, чтобы в обморок не грохнуться». Так я скажу, и врач покачает головой: «Ох уж эти мнительные больные».

Медсестра копалась, как неживая, искала карту. Врач невыносимо долго вчитывалась в свои же собственные размашистые закорючки. И, назвав меня по имени и отчеству, сказала: «Придётся ехать в центральную лабораторию, перепроверить. Гистология непонятная».

Увидев моё лицо, врач поторопилась засыпать сказанное ворохом пустых, вязких, заговаривающих зубы слов. Всего лишь под вопросом, что вы так побледнели? Повезёте «материал» в республиканский центр – там аппаратура другая, специалисты другие. Уровень другой.

Если, не приведи Бог, подтвердится, нынче это не страшно. 70 процентов больных излечивается. Да любой выходящий на улицу, которому на голову может свалиться кирпич, рискует, в сущности, не меньше меня.

Но почему мне так страстно хотелось оказаться на месте тех, с кирпичом?

Дома, не снимая пальто, прошла в комнату и села на диван. А что оставалось делать? Более никчёмного занятия, чем ломание рук и рыдание, сейчас было не придумать. Легла, укрылась пальто, свернулась клубком, как озябший зверёк. Сколько так пролежала? Встать незачем. И лежать незачем. Всё теперь незачем.

Будто вкололи анестетический укол, оставив при этом ясную голову. Следует всё обдумать. С кем оставить сына-школьника? Кому доверить овчарку Кэрри? И завтра, когда поеду в Центр, и вообще?..

Я в жизни страшно рассеянный и несобранный человек. А тут во мне точно завёлся органайзер. Я чётко, по пунктам в уме расписала все действия на ближайшие часы, на завтрашний день, на неделю, на месяц вперёд. Дальше заглядывать не будем. Кому звонить, какие поручения дать, какие суммы и на какие цели оставить. И была каменно спокойна: ни слезинки. Хотя когда ехала домой, думала – затоплю слезами улицу.

По иронии судьбы, год назад я была в той самой больнице, куда завтра повезу пробы. Брала интервью у главного онколога республики. Ушла моя подруга Катя. Уходила мучительно, тяжело, возникли вопросы.

– Катю, такую нежную, впечатлительную, убил диагноз, – была уверена я. – Разве нельзя было сообщить родственникам, а уж они как-нибудь скрыли бы правду? Ложь во спасение: спасение нескольких лишних месяцев не омрачённой жизни. Возможности видеть солнце, небо, слышать птиц, общаться с родными.

– Исчерпывающую информацию о болезни пациент должен получать в полном объёме, в доступной для него форме, – разъяснил главврач. – Мы имеем право оповещать родственников только с письменного согласия больного. Таков закон.

Вы предлагаете сообщать диагноз в более мягкой, завуалированной форме, чтобы не «расстроить, не напугать» больного. А вот, представьте себе: не пугается он, не расстраивается.

Скажешь ему: «А, ерунда, там у вас язвочка», – он повернётся и уедет. А ему нужна химиотерапия или срочная операция. Кроме того, нельзя лишать больного возможности на финальной стадии делать необходимые распоряжения, решать проблемы наследственного, морального, финансового характера. Во всём мире так. Не нравится закон – ну, пишите Путину: пусть меняет Конституцию.

Как было у Кати? Сдала анализ и забегалась, вообще забыла о нём. Она в свои 36 лет была уже заместитель директора крупной фабрики. Звонок от участковой медсестры:

– У вас не очень хороший результат. Сможете сегодня подойти?

– А что такое?

– Об этом с врачом...

– Рак?!

Звон в ушах. Катя легла, где стояла. Трубка уныло плачет на груди – заранее хоронит. Сколько так пролежала?

...Вот на новогоднем снимке Катя сидит между нами: самая хорошенькая золотистая блондинка с сияющими глазами – звёздочками. Вся подалась вперёд: навстречу новому счастью, цветущей молодости, навстречу молодым ожиданиям.

А ползучая болезнь в это время уже растекалась, хозяйничала в ней. Вслепую протискивалась, скользко нащупывала. Примерившись, облюбовав, пускала мерзкие корни. Виляла гнездо для очередного вылупляющегося гадёныша – в чистом, цветущем девичьем теле.

Совсем скоро Катя обречённо сунет ладошку в чью-то твёрдую опытную руку. Её, как маленькую, поведут торной горестной дорогой – избитой в пыль, истоптанной миллионами пар ног до неё.

Она уже прошла химиотерапию – безрезультатно. Четвёртая, неоперабельная стадия. Ей дали первую группу инвалидности и отправили домой с оптимистическим пожеланием: «Отдыхайте. Ваша главная задача – набрать вес».

Вот она же – спустя несколько месяцев. Сразу сдалась перед бедой: испуганная, опустившая крылышки. Исхудала, вспотела от напряжения, ротик полуоткрыт как у птицы, над губкой мелкие росинки испарины.

На третий этаж к нам поднялась с трудом, с одышкой и отдыхом. Извинилась за свалившиеся, обвисшие, померкшие, некогда золотые волосы: «Ничего не хочется, девчонки, даже ванну».

Когда присела на диван, а потом прилегла (мы преувеличенно – усиленно засуетились, подсовывая подушки), вдруг пахло старушечьим, кислым. Это от неё – ухоженной, всегда с шелковистыми волосами, в облачке дорогих тонких духов.

Итак, Катю отправили домой на долёживание. И чередой пошли экстрасенсы. Целительница брала по 3700 рублей за сеанс. Всего сеансов было десять. Приём другого биоэнергетика стоил пять тысяч, пациенты давали подписку о неразглашении тайны лечения.

Тайна заключалась в следующем. Биоэнергетик водил растопыренными руками, горстями «собирал» с человека болезнь. Перед ним были разложены вещи больного: кофточка, перчатки, допустим, туфли, ложка, тарелка, из которой тот ел, чашка, из которой пил. Срезанные (не выпавшие, а непременно срезанные!) волосы, мелкие монеты, дешёвые конфетки. Якобы энергетическая грязь, болезнь «собиралась» и «стряхивалась» с приговорами на предметы.

После манипуляций одежду следовало развешивать, скажем, на стенках мусорных контейнеров. Нехорошую посуду – выставлять где-нибудь на подоконнике в подъезде. Волосинки – тщательно закладывать в библиотечные книги. В книжном магазине тоже: как будто просматриваешь книгу и незаметно роняешь «заколдованный» волос между страниц.

Срезанные ногти ценны, потому что несут в себе богатую информацию о болезни. Серпики ногтей можно оставлять под дверями, под плинтусами в жилых квартирах – знакомых, разумеется, в незнакомые ведь мы не ходим. В казённых учреждениях или подъездах – не срабатывает, проверено.

Мелкие деньги и конфеты подбрасывать на дорожках. Кто подберёт наговорённую вещь – к тому перейдёт, прилипнет хворь. Если подберут дети, даже лучше – у них защитная оболочка уязвимая, слабенькая, как плёночка на яйце. Зато ты будешь **жить, жить, жить!**

Катя в отвращении бежала от экстрасенса.

Позади месяцы химиотерапии. Теперь её дни с утра до вечера посвящены соблюдению диеты. Она давит овощные соки: «Подчистили погреба у всех деревенских знакомых».

Полежит, наберётся сил, отдышится – и снова к плите. Потихоньку варит овсяной кисель, трёт корень лопуха («Девчонки, как это невкусно!»).

На подоконнике набухает в кефире гречка. В банке настаивается майская крапива – очень повышает иммунитет. На кухне и в прихожей всюду развешаны пучки трав. На шее болтается чудодейственный корешок – прислали с другого конца страны: в отрезанном от перчатки пальчике, повешенном на шнурок.

– А вот, говорят, ещё керосин с постным маслом, по десертной ложке...

Катя вздыхает:

– И керосин пила...

...Я заставила себя подняться. Подошла к зеркалу. Вместо лица – оплывшее пятно, перебившее плоскость и бледность зеркала: перекошенное, расползшееся, растёкшееся, как будто вынули лицевые кости и мышцы.

Сейчас придёт из школы сын, он не должен меня такой видеть. И никто не должен видеть, знать. Скорее в горячий душ. Горячий нельзя: умеренно-тёплый... И позвонить милой хлопотливой, безотказной моей помощнице Раисе: она, пока меня не будет, и за домом присмотрит, и полы протрёт-пропылесосит, и сына и собаку голодными не оставит.

В эту ночь я честно, усиленно пыталась искать логику, взаимосвязь событий, путеводную ниточку. Если найти кончик нити, ухватиться, то, перебирая руками, можно попытаться выбраться в прежнюю жизнь, до судьбоносной развилки. Когда, где впервые отступилась, споткнулась? Как не разглядев тайных знаков, подсказок судьбы?

...Не так давно был странный, почти мистический случай. Ушла на тот свет старейшая работница нашей редакции. Прощальное слово поручили написать мне. Я набирала текст, болтала ногой и одновременно грызла яблоко. Уроненное яблочное семечко застряло в проёме между «shift» и соседней справа клавишей «\». Клавишу заклинило.

Я печатала вслепую, и когда подняла глаза на экран, обомлела. После заголовка «Некролог» вся страница состояла из сплошных «Я». Буква кричала, настаивала, била себя в грудь выпяченным: «Я Я Я Я Я Я Я Я Я Я»... Ещё машинально тюкнула, чтобы поставить точку – и высокочившая буква ещё раз спокойно, уверенно подтвердила: «Я». То есть ты.

Фу ты, мистикой вроде не увлекаюсь, откуда такая чушь лезет в голову?

Под утро поняла, что не стоит бесполезно рвать сердце, возвращаясь к некоей точке отсчёта. Бесплодно загружать голову поисками ответов, когда и за что? Его, времени, и так может быть мало. Следовало успеть разобраться в других вопросах: более необходимых, важных, насущных.

Вопросы, вопросы.

Почему именно я?

Моя болезнь – наказание за мои грехи?

Чужое здоровье – награда за их добродетели?

Что ощущают в момент ухода? Мгновенное изумлённое прозрение? Огненную карусель в голове? Ослепительную белую вспышку в глазах? Космическую чёрную дыру внутри, стремительно поглощающую, всасывающую тебя в саму себя?

И, наконец, самое главное: а что *там, дальше?*

Из интервью с главврачом:

– Итак, больной понял, что неизлечим. Когда преступнику зачитывают приговор, возле него чуть ли не дежурит бригада скорой помощи. Предусмотрен в вашем отделении для таких случаев дежурный психотерапевт? Имеются ли эффективные успокоительные средства для больных и родственников?

– О господи! Да у нас даже ставки терапевта не предусмотрено! Хотя в онкологической практике одно время бурно пытались внедрить специальность психотерапевта. Но хороший врач, особенно хороший онколог – он и есть лучший психотерапевт, – уверял главврач. – Невозможно без специальных знаний обсуждать ход болезни, проблемы, уверенно внушать надежду. Достаточно, чтобы больной был просто обеспечен психологической помощью лечащего врача. Через руки того пройдено тысячи подобных больных. Он знает, какие слова подобрать, наблюдает проблему профессионально, вширь и вглубь. Ну, увидит психотерапевт эти торчащие из тела дренажи, эту безобразную опухоль – да ему самому понадобится срочная психологическая помощь.

Другое дело, – развёл он руками, – что врач физически не в состоянии вести с пациентом долгие разъясняющие, утешительные, обнадеживающие беседы. Когда через онколога в день проходит 40 человек, никакая психотерапия не поможет. В наших кабинетах, бывает, два врача одновременно принимают двух пациентов. Онкологический центр строится десять лет! Вот такое к нам отношение, в таких условиях работаем. А вы об особенном, трепетном отношении к больным говорите.

Доктор задумчиво постучал ручкой по столу:

– Вторая проблема вытекает из скученности, тесноты. Далеко не все в толпе сидящих на приём – раковые больные. За год мы выявляем таких 4 тысячи, а через поликлинику проходит порядка 70 тысяч человек. Идут «с подозрением», идут «исключить». И вот они рядышком сидят, общаются, обмениваются негативной информацией. И мнительные больные с ужасом находят у себя аналогичные признаки, начинают паниковать. Заражают окружающих страхом, идёт цепная реакция, совсем бесполезная в атмосфере больницы.

До Катиной болезни я находилась в счастливом неведении. Была наивно уверена: в таких больницах дежурит психолог. Ведь услышать подобный диагноз – может разум помутиться.

– Как же, – слабо усмехнулась Катя. – Всё «было»: бригада психологов, психотерапевтов, которые бросились меня утешать и отпаивать валерьянкой. И какава с ванной тоже была. Размечталась.

Выйдя от врача, Катя спряталась в туалете. На кафельном полу под тряпкой жёлтая лужа мочи из разбитого унитаза. Бессильно опустилась на грязный, затоптанный, с квадратиками от подошвы чьих-то башмаков, стульчак. В поисках утешения прижалась горячим лбом к холодному бачку. Унитаз ей был вместо психолога.

Честно говоря, тем летом я пронеслась по больнице галопом, стуча высокими каблучками. Записывая интервью, натягивала на колени легкомысленную юбочку, поглядывала на часы. Впереди свидание, новые впечатления, новые надежды.

Это было тогда, в той жизни. И вот нужда заставила знакомиться с больницей основательно, изнутри. Я-то думала, что в таких больницах всё по-другому. Беседуют, понизив голос. Доктора и медсёстры – сама предупредительность. Мягкие, ободряющие взгляды. Сочувственные, поддерживающие прикосновения. Безлюдье, покой, тишина, картины на стенах, цветы. Нога утопает в коврах, точно идёшь по облаку.

...Что на самом деле. Тёмный мрачный вестибюль с битой плиткой под ногами. Стоит понурая очередь, много деревенских. В буфете каменные жирные пирожки, страшные даже на вид. Такие не то, что больного – здорового на тот свет отправят.

Уборщица в обрезанных галошах гонит лужи по серому полу, тычет шваброй в ноги. Гардеробщица макает варёное яйцо в соль, пьёт чай из термоса. Не выпавшаяся медсестра в окошке: «Сегодня приёма нет».

Даже смертнику выполняют последнюю волю. Перед ним невольно склоняются головы, отводится взор и сам собой тишаёт голос. Вокруг толпится свита из охранников, врачей, священников, адвокатов – потупились, сознавая ужасное величие момента. В самом придавленном воздухе витает трепет, почтение, суеверный страх перед готовящимся таинством. ...

Нету талонов, понятно?! Жизнь глумливо корчит рожу, попирает тебя жилистой ногой в грязной галоше. Вселенная не рухнет, не вынесет твоего ухода, не больно воображай. Твоя болезнь – сугубо твоё личное дело, и изволь вести себя прилично.

Итак, Катю отправили домой на «долёживание». И чередой пошли экстрасенсы. Из интервью с главврачом.

– Когда ей объявили о неэффективности химиотерапии, она пошла по экстрасенсам. Мы потихоньку осуждали ее: как она, такая умница, верит в это мракобесие? Хотя все мы ой какие умные, пока самих не коснётся... Чужую беду руками разведу. И потом, у неё после общения с целителями хотя бы на несколько часов начинали светиться глаза.

– Вы, когда сюда шли, читали объявления на столбах объявления о продаже «чудесных» трав? – вопросом на вопрос ответил доктор. – Видели людей-травников с мешочками сена? Этих шарлатанов приходится периодически прогонять, бывает, что и с полицией. Чтобы продать свои снадобья, они с жаром уверяют, что всё на свете излечивают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.